

Которыхъ болѣе другихъ
 Ласкаетъ матушка-столица,
 Оттуда видны безъ очковъ,
 Повѣрьте мнѣ, какъ вереница
 Обыкновенныхъ каплуновъ...
 А сколько мыслей, замѣчаній,
 Философическихъ идей,
 Филантропическихъ мечтаній
 И романическихъ затѣй,
 Всегда насчетъ другихъ людей,
 На умъ приходитъ въ это время?
 Какое сладостное бремя
 Лежить на сердцѣ и душѣ!
 Ахъ, это счастье безъ обмана!
 Оно лишь жителя Монблана
 Лелѣетъ въ вольномъ шалашѣ!
 Одинъ крестьянинъ полудикій
 Не даромъ вымолвилъ въ слезахъ:
 «Великъ Господь на небесахъ,
 Великъ въ Москвѣ Иванъ Великій!..»
 Итакъ, хвала тебѣ, хвала,
 Живи, цвѣти, Иванъ кремлёвскій,
 И, утѣшая слухъ московскій,
 Гуди во всѣ колокола!..

И М Е Н И Н Н И К У.

(А. П. Лозовскому).

Что могу тебѣ, Лозовскій,
 Подарить для именинъ?
 Я, по милости бѣсовской,
 Очень бѣдный господинъ!
 Въ стоицизмѣ самомъ строгомъ,
 Я живу безъ серебра,
 И въ шатрѣ моемъ убогомъ
 Нѣтъ богатства и добра,
 Кромѣ сабли и пера.
 Жалко споря съ гнѣвной службой,
 Я ни геній, ни солдатъ,
 И одной твоею дружбой
 Въ долѣ пагубной богатъ!
 Дружба—неба даръ священный,